

Г.Н. Оботурова

Вологодский государственный университет

МИФ КАК НЕВЕРБАЛЬНАЯ И НЕЯВНАЯ ФОРМА ЗНАНИЯ*

В статье дается эпистемологический анализ архаического и современного мифа. Показано, что миф может быть рассмотрен как форма познавательной деятельности, опирающаяся на неявное, невербальное знание. Неявное знание проявляется в повседневных практиках, навыках, танце, обрядах, ритуалах, которые рассматриваются как способы неартикулированного познания мира.

Миф, неявное знание, личностное знание, танец.

Анализ неявной компоненты познавательной деятельности человека является актуальнейшей проблемой теории познания, находящей свое выражение в вопросе о том, как возможно знание, если оно не вербализовано и не находится в фокусе сознания [5, с. 131]. «Неявное знание», или «скрытое измерение знания» представляют собой, по утверждению Л.А. Микешиной, специфический способ существования и самосознания субъекта, его невербализованной, дорефлексивной, контекстной формой проявления, предпосылкой и условием познания, самопознания и понимания. Определенный интерес в плане интерпретации мифического сознания и познания имеет анализ форм проявления неявного знания М. Полани, с точки зрения которого неявное знание неотделимо от личности, субъекта, его опыта, существует в сфере сознания, но не в его фокусе [7].

Способами понимания мифического знания как неявного являются рефлексия, выявление элементов архаического мышления в формах объективированного знания в виде навыков, умений, жизненно-практического опыта, языка, пространственно-временной ориентации, обрядов, ритуалов, вообще «способа существования», который, по утверждению П. Рикёра, выступает «способом понимания, выражаемом не только языком абстракции» [8, с. 45].

Таким образом, с точки зрения экзистенциальной гносеологии специфика мифического знания может быть понята в контексте анализа места эмпирического, налично-бытийного субъекта познания в его сознательной деятельности в целом. Плодотворную роль в реализации этой задачи может оказать концепция коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса, вводящего понятие «жизненного мира» как сферы дотеоретического, фонового знания, связанного с повседневным, практическим опытом, воплощенным в языке,

особенностях культуры [9], а также подход Л. Витгенштейна, рассматривающего мир как проявление человеческого Я, выступающего границей и организующим принципом мира [1].

Мир, с точки зрения Витгенштейна, есть жизнь, которая превосходит возможность ее выражения, так как она непостижима, невысказима, мистична, ибо «мистическое не то, как мир есть, но то, что он есть» [1, с. 96]. Отсюда вытекает невозможность познать и выразить жизнь средствами науки и на ее языке. Жизнь, по мнению Л. Витгенштейна, не может быть высказана предложениями. Она относится к сфере того, что может быть только показано. В этом смысле мифическое миропонимание особенно «показывает себя», так как оно состоит не только из образов и представлений, но и из конкретных, непосредственных действий, иницируемых обрядом и ритуалом и проявляющихся в них.

Архаический миф представляет собой не просто повествование, рассказ. Это способ бытия сознания, его развития, упорядочения бесконечно многообразного мира. Первоначальное, дотекстовое бытие архаического мифа, в котором первобытный человек растворен, тождественен ему, представлено в виде слова, знака, обрядово-ритуальной деятельности, оно встроено в повседневную жизнь, ее систему.

Генетическими исходными формами бытия мифа являются жест, ритуал, действие. Мифическое повествование представляет собой более сложную, вербальную форму бытия мифа. Поэтому мифическое мышление обладает ярко выраженной кинестезичностью, то есть проявлением особых аспектов сознания, связанных с ролью пластических средств выражения в познании, общении и трансформации знания. Оно представляет собой «невербально осязаемое ритмышление» [2]. В этом смысле танец выступает специфической формой повествования, выражаемого пластическими средствами. Больше того, музыкально-танцевальная пластика тела («мыслеэнергия»), с точки зрения И.А. Герасимовой, предшествует слову

* Текст написан автором в 1999 году и подготовлен к публикации д-ром филос. наук, доцентом Н.А. Ястреб.

(«мысле-форма») как началу, формирующему сознание.

Объективной основой такой невербальной, кинестезической основы мифического сознания являлось единство первобытного человека с природой, подстраивание под ее ритмы, осознание творческой силы ритма, ее энергетического, психологического воздействия. Этот примат ритмического над грамматическим имеет место и в речи первобытного человека.

Особую роль в мифическом мышлении и действиях играют такие невербальные изобразительные средства, как магия телодвижений (жеста, позы, мимики), цвета, наглядного образа, символа. Так, при исполнении «танца медведя» у сиюков или «танца бизона» у манданов, которые продолжаются на протяжении нескольких дней или недель, не прекращаясь ни на минуту (одни участники танца на ходу действия заменяются другими), принимающие участие в пляске надевают на лицо маску, сделанную из шкуры зверя. Участники танца имитируют движения, которые делает зверь, изображают охоту на него. Это, – пишет Л. Леви-Брюль, – своего рода драма или, вернее, пантомима, изображающая дичь и участь, которой последняя подвергается, когда она попадает в руки индейцев. Однако смысл этой пантомимы, неявность ее «знания» состоит не в простом изображении, ибо для мифического мышления нет просто изображения, оно сопричастно подлиннику, и, наоборот, оригинал сопричастен изображению. Поэтому «для индейца обладать изображением означает в известной мере обеспечить себе обладание оригиналом. Мистическая партияция и придает силу и смысл описанным выше действиям» [3, с. 150].

Становление и развитие абстрактно-логического, рационального типа мышления представляло собой вытеснение неартикулированного опыта пропозиционным, в котором на смену телесной, ритмической пластике приходят мыслительные схемы, словесно-понятийные и знаково-терминологические системы. Этот процесс перехода связан с «неолитической революцией» в истории человечества, с переходом присваивающего хозяйства к производящему.

Доземельская культура представляла собой синкретизм человека и мифа, тотальность мифического сознания, не способного еще к самосознанию и рефлексии. Земледелие представляло собой переворот во взаимоотношении человека и мифа, отделение от него, противопоставление субъекта и объекта, диалог сознания с самим собой, возникновение рефлексии (в перспективе философии), целевого мировоззрения. С точки зрения А.М. Лобка, именно отсюда берет начало «жизнь во времени», возникновение исторического сознания, истории, творимой людьми, цивилизации [4].

Таким образом, в невербализованном, неявном знании архаического сознания проявились его недостаточная рефлексивность, неразвитость взаимосвязи «центрации» и «децентрации» (отношения к себе как бы со стороны) [6], недостаточная разделенность, тождественность «Я» и «не-Я», ибо переход к рациональному, философскому, научному означает осознание нетождественности мысли о вещи и самой вещи, слова и предмета.

В процессе развития общества миф эволюционировал от первоначальной дотекстовой формы к повествовательному отчуждению, затем к эпосу как упорядоченной системе отчужденных мифов. Словесная обработка мифов, их переход на уровень устных преданий представляли собой определенный «род систематизирующей деятельности» [4, с. 490]. Повествовательное инобытие мифа представляло собой отделение, отчуждение, свободу архаического человека от мифа. На поздних ступенях развития миф трансформируется в народную обрядово-ритуальную практику, в сказки, рассказы, истории, назидания, поэзию, литературу, упорядоченную систему мифов, сакральный эпос, религию. Однако невербальная, неявная, кинестезическая функции мифического не исчезли, а проявляют себя как непреходящие феномены человеческого сознания, познания и деятельности. Они проявляют себя в любви ребенка и современного человека к танцу, который гармонизирует внутреннее состояние человека и его связь с внешним миром, повышает эффективность мышления, ибо «энергетическая составляющая сознания является ведущей по отношению к формирующей» [2, с. 63].

Вместе с тем, невербальный, кинестезический феномен сознания может быть использован в пропаганде и насаждении массовой культуры, так как массовое танцевальное действие способствует формированию «коллективного разума» танцующих, как единого целостного организма. Это тем более важно, так как «упорядоченная танцем коллективная психическая сила может быть использована в качестве эффективного средства психотерапии» [2, с. 53]. Поэтому оптимальным вариантом сочетания в мышлении невербального, чувственного (импульсивного, ритмического, инстинктивного) и рассудочного (категориально-рационального) является равновесие, единство мыслеритмов и мысле-форм, в результате которых мысль наделяется «качествами психического осязания – ощущениями внутренних ритмов объекта» [2, с. 63].

Таким образом, познавательные способности основных сфер сознания (телесно-перцептивная, эмоционально-аффективная, логико-понятийная) находятся в системно-синхронном взаимоотношении (корреляции, оппозиции и субординации). Однако на определенных этапах филогенеза и онтогенеза имеет место преобладающая роль тех или иных способностей и сфер в мифическом и детском уровнях сознания (при наличии зарождающейся и становящейся логико-понятийной сферы), главную роль играют телесно-перцептивные, невербальные и эмоционально-аффективные сферы. Телесно-перцептивная сфера сознания связана с формированием, прежде всего, инстинктивно-витальных внутренних ощущений организма, сенсорной информацией о свойствах и процессах внешнего мира, формированием целостных образов и конкретных представлений. Эмоционально-аффективная сфера связана с интуитивным видением, пониманием, сопереживанием, фантазией как способностью порождения и понимания чувственных образов и мысленных ситуаций, не встречающихся в непосредственном телесно-перцептивном опыте; продуктивным выражением (способностью к сознатель-

ному конструированию образно-смысловых систем и ситуаций, не встречающихся в действительности).

Литература

1. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн, пер. с нем. – Москва: Иностранная литература, 1958. – 133 с.

2. Герасимова, И.А. Философское понимание танца / И.А. Герасимова // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 50–63.

3. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – Москва: Атеист, 1930. – 337 с.

4. Лобок, А.М. Антропология мифа / А.М. Лобок. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.

5. Микешина, Л.А. Неявное знание как феномен сознания и познания / Л.А. Микешина // Теория познания: в 4 т. – Москва: Мысль, 1991. – Т. 2. – С. 226–244.

6. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – Москва: Просвещение, 1989. – 659 с.

7. Полани, М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / М. Полани. – Москва: Прогресс, 1985. – 344 с.

8. Рикёр, П. Человек как предмет философии / П. Рикёр // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 41–50.

9. Hubermas, J. Theorie des kommunikativen Handelns / J. Hubermas. – Frankfurt am Main, 1981. – 512 p.

G.N. Oboturova

MYTH AS A FORM OF TACIT KNOWLEDGE

The article gives an epistemological analysis of the archaic and modern myths. It is shown that myth can be considered as a form of cognitive activity that is based on tacit, nonverbal knowledge. Tacit knowledge manifests itself in everyday practices, skills, dance, and rituals, which are regarded as ways of non-articulated cognition of the world.

Myth, tacit knowledge, personal knowledge, dance.